

В театре «У Никитинских ворот» работает артист без званий, без регалий, просто Артист — Владимир ДОЛИНСКИЙ.

Бенефисов здесь отродясь не устраивали. А тут, поди ж ты, — целый вечер посвящен одному артисту: в преддверии своего юбилея (как-никак десятилетие!) театр «У Никитских ворот» провел несколько вечеров ведущих мастеров. Первый был отдан Долинскому, «Долику», как ласково называют его в труппе. И назвали вечер «Доля».

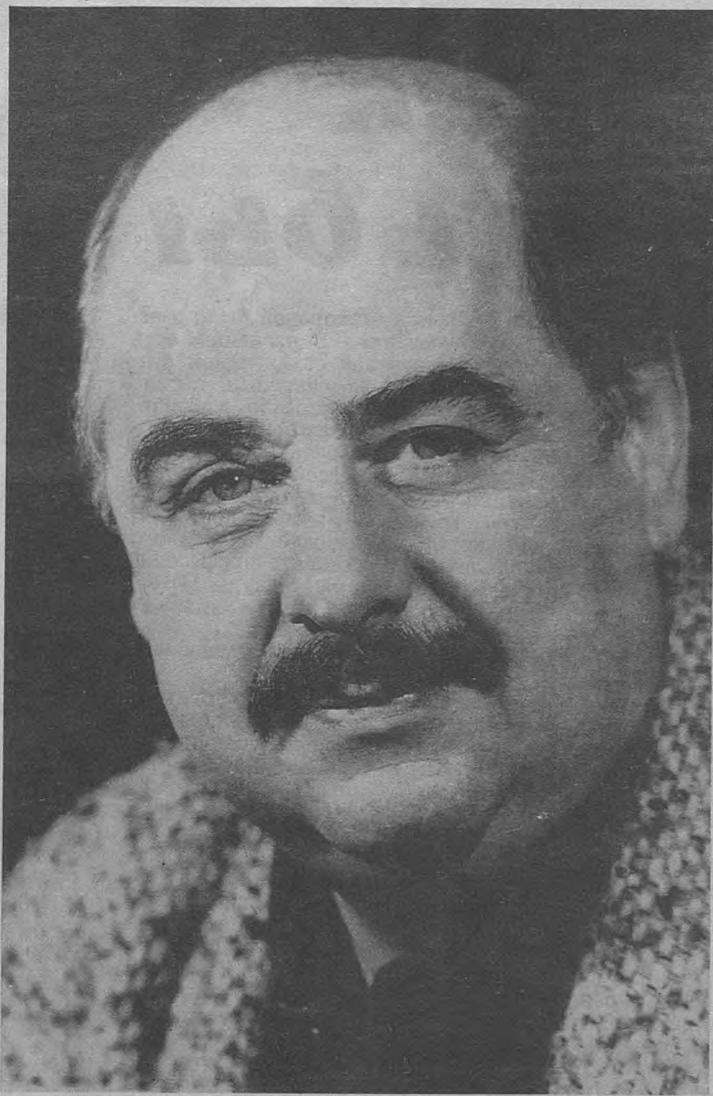
«Долинский» — не фамилия, а знак шальной судьбы, — заявили коллеги, приветствуя бенефицианта. Они ни на йоту не погрешили перед правдой. Итак, «этапы большого пути»...

...Голубоглазый красавец с пышным коком, высокий и стройный, жутко шепелявя, читал стихотворение Константина Симонова: «Ты помни, Алефа, довоги Смоленфины...». Читал на приемных экзаменах в «Щуку» с пафосом, от которого строгая комиссия во главе с Борисом Захаровым буквально заходила от хохота. И... единогласно проголосовала «за», потребовав от абитуриента справку логопеда, что дефект речи исправим. «Я его устаню, — сказал юноша, — потому что очень хочу сыграть Автува, геволя вомана Войниц».

Это не байка, а подлинная история, происшедшая с Владимиром Долинским тридцать лет назад. От шепелявости он избавился, но Овода не сыграл. Придя после училища в Театр сатиры, быстро обрел устойчивый имидж комика и любовь зрителей, которую усилило появление Владимира на ТВ в облике пана Пепичека, завсегдатая кабачка «13 стульев».

Но «недолго музыка играла»: вскоре Долинский получил срок за... похупку долларов (сейчас только ленивый этим не занимается, да и сама статья УК отменена, но тогда...)

Владимир не стесняется тех страшных пяти лет, не считает их выброшенными из жизни (о чем свидетельствует его рассказ, опубликованный в «Э С» (№ 42, 1992) и документальная повесть, которая скоро выйдет в издательстве «ТЕКСТ»). Полтора года в Лефортовской тюрьме, три с лишним — в лагере его многому научили. Зона есть зона. Кто побывал там, сильно отличается от того, кто там не жил. Люди, прошедшие зону, знают такое, что нам, грешным, неведомо. Достоевский, отсидевший в «мертвом доме», говорил, что опыт тюрьмы необходим каждому мыслящему человеку. Не дай Бог, конечно, но Владимир убежден в правоте великого мыслителя. Он вернулся в Москву другим человеком: «Знаю, что такое «плохо» и не позволяю себе иметь дурное настроение». Он сохранил оптимизм, сберег талант, если и завидует партнерам, то только «белой» завистью, и твердо уверовал, что мир — не без добрых людей.

Доля Долинского

И вправду — по выходу «на волю», его сразу же пригласил Марк Захаров, и в Ленкоме артист, по собственному признанию, шел «крепким вторым номером».

А хотелось — первым.

Семь лет назад, когда труппа «У Никитских ворот» только становилась на ноги, Долинский, любящий «охоту к перемене мест», пришел к Розовскому и поселился в «квартире № 8», как считает, навсегда. «Это — мой театр. Я его в прямом смысле слова строил — таскал кирпичи и трубы, месил цемент, выгребал грязь. Разве можно менять родительский дом только потому, что в соседнем — потолки на два метра выше? Никуда отсюда не уйду, мне тепло, уютно и очень интересно! Испытываю ни с чем не сравнимую радость партнерства и нежную любовь к режиссеру».

Опускаю дальнейший монолог артиста — панегирик в честь Розовского: боюсь, от обилия дифирамбов у худрука закружится голова.

Продолжу о Долинском. «У Никитских ворот» он — мэтр, «первач» (актерское определение), играет роли, о которых можно только мечтать (Серебряков в чеховском «Дяде Ване», Солонин в «Цене» А. Миллера, слуга Захар в «Романсах с Обломовым» по И. Гончарову) — список можно продолжать долго, ибо Владимир занят практически во всем репертуаре. И в каждую работу вносит свое, личное, строго следуя завету Станиславского — поселять собственное «Я» в предлагаемые обстоятельства.

«Всякий юбилей есть пошлость», — заявил на вечере парадоксальный Розовский. Вечер Долинского пошлости был лишен, просто зрители имели счастливую возможность побывать в гостях у артиста, познакомиться с ним ближе, отдать дань его разностороннему мастерству, ибо им показали фрагменты диаметрально противоположных работ.

Вот старый еврей Шлома из «Майн кампф. Фарс» Джорджа Табори. Добрейший нищий, готовый поделиться последним куском с неоперившимся бедным юнцом, приехавшим в Вену «учиться на художника». Разве мог Шлома предположить, что тирольский недоумок станет во главе фашистской партии, что одно его имя — Гитлер — будет наводить страх на всей планете? И что одной из первых жертв Гитлера станет он, Шлома, давший ему кров, спасший от голода? «Наш спектакль лишен назидательности, — говорит Долинский, — но его надо смотреть, чтобы не повторилось то, что было. И пусть у зрителей рвутся сердца, как разрывается оно у меня».

По-новому подходит артист и к устоявшимся образам, за которыми — шлейф традиций. Профессор Серебряков в прочтении Долинского — совсем не бездарь, изведший всех своей подагрой, а человек, страдающий от того, что огорчает молодую жену и приносит беспокойство окружающим. И именно он хочет продать не потому, что эгоистичен и думает только о себе, а потому, что несведущ в хозяйственных делах и ужасно непрактичен. И знаменитая реплика «Надо, господа, дело делать!», исстари вызывавшая презрительную усмешку противников теории «малых дел», звучит достойно и серьезно. Может, и вправду пора кончать болтовню и заняться делами? И не только в имени Войничких, но и в нашей с вами жизни?

И все-таки Долинский — прирожденный комик. В его натуре есть что-то раблезианское, фальстафовское (Владимир мечтает сыграть этого эпикурейца «от Шекспира»). Он в совершенстве владеет актерской техникой. Мастер детали, репризы, миниатюры, умеет быстро завладеть залом. Но честно называет себя «неигрывальщиком» и признает, что ему порой изменяет вкус. Тогда — перебор, «22», как говорят любители игры в «очки». Вот тут на помощь приходит режиссер в лице Розовского, который жестко отсекает все лишнее. Ужасно жаль придуманного и нафантазированного, но Долинский режет по живому, ибо с возрастом все больше причает себя к самоограничению, укладывает буйный темперамент и любовь к «оживляжу» в жесткое ложе режиссерской концепции, потому что понимает: «тянуть одеяло на себя» — дело неблагоприятное (для партнера) и неблагодарное (для самого себя): «Иногда думаешь — брызги шампанского, а оказывается — поток газировки»...

Правда, Розовский, бывает, расщедривается, «дает вольную», и тогда появляется почти концертный номер, потрясающий по накалу и драматизму: Долинский читает (играет!) замершему залу рассказ Ю. Даниэля «Руки». Или исполняет садистско-издевательский танец (придуманный им и закрепленный режиссером) в «Триумфальной площади», посвященной Мейерхольду. Артист любит крайности, он никогда не играет на «чистом сливочном масле», его персонажи постоянно существуют на грани фола.

Феерический хохмач, он говорит очень серьезные вещи: «Меня называют «непрощитанным». Да, я могу совершать самые неожиданные поступки, особенно после лагеря, где заглянул в такую бездну. Но именно после него я еще больше поверил в людей, в то, что жизнь — простите за банальность! — прекрасна, что ее надо любить и ценить. Я прикован к жильцам квартиры № 8. Добровольно. Подвести своих товарищей не смогу. Это значило бы плюнуть в лицо самым близким. Невозможно!»

Маленькая сцена, маленький зал — прекрасно! Как в кино — сплошной крупный план, глаза в глаза. Замечательная лаборатория! Можно плести такие кружева!»

Он плетет их в каждой роли. Узорчатые, тонкие, разноцветные. Крепкие.

Елена ЗОНИНА.
Фото Валерия НИСАНОВА.